

Круглый стол «Фольклорист на чужом поле»

29-30 мая 2019 г., ЦТСФ РГГУ

С семиотической точки зрения фольклорная традиция есть передача по каналам устной коммуникации культурно и социально значимых сообщений. Основными характеристиками фольклора можно считать тесную его взаимосвязь с динамическим взаимодействием людей в вернакулярных контекстах в противовес жестким институциональным каналам и застывшим социальным структурам.

При таком понимании фольклорной традиции фольклористика оказывается дисциплинарной областью, которая накапливает уникальный исследовательский опыт одновременно как в отношении осмысления транслируемых сообщений, так и в отношении методологических принципов работы с текстами и механизмами их передачи. Это позволяет предположить, что в исследовательской практике в смежных областях могут оказаться продуктивными два варианта переноса теоретических ресурсов фольклористики: по наличию фольклорных элементов в исследуемом материале и по общим принципам работы с текстами (в широком семиотическом смысле).

Что касается осмысления транслируемых сообщений, то в работах фольклористов уже довольно давно проводятся параллели с другими типами текстов. Обычно в фокусе внимания таких исследований оказываются фольклорные тексты, попавшие в новую среду – литературную, историческую, а в последние годы – медийную. Чтобы из всего потока потенциально интересных текстов вычленили те, которые заслуживают внимания фольклориста, исследователи ориентируются на сюжеты, мотивы, режиссуру – отдельных персонажей или определенные атрибуты. Вместе с тем, вовлекая в орбиту своего рассмотрения новый материал, оказывающийся проницаемым для фольклористических методов (хотя бы отчасти), фольклористика обогащает и свой привычный инструментарий за счет некоторых исследовательских подходов, соприродных этому новому объекту и получаемых вместе с ним.

В методологическом отношении важно отметить, что устные традиции демонстрируют высочайшую степень универсальности своих знаковых кодов и своей структурной организации. Их устойчивость обеспечивается единообразно действующими механизмами устной трансмиссии, которые позволяют сохранять и передавать сообщения в относительной неизменности на протяжении столетий (а в каких-то случаях – тысячелетий) и – в силу своей «первичности» – могут считаться «базовыми» для культурной традиции вообще.

С другой стороны, подобное расширение временных границ создания текстов, которые могут быть проанализированы через оптику фольклористики, работает в обоих направлениях, и методология, предлагаемая для обсуждения в рамках круглого стола, применима и к новой цифровой среде. Принимая во внимание, что при фольклорном анализе текстов исследователь неизбежно сталкивается с варьированием повторяющихся элементов (внутри одного текста, от текста к тексту, от исполнения к исполнению, от исполнителя к исполнителю, от традиции к традиции), можно предположить, что такая характеристика созвучна описанию современной цифровой среды, которая является модульной (модульность обеспечивает возможность изменить одну составляющую продукта, не меняя его в целом), изменчивой (все, что существует в цифровой среде, может постоянно изменяться, модифицироваться), транскодируемой (способной к тому, чтобы быть переведенной из одного кода в другой, из одного формата в другой и т.д.).

Это дает основания распространить приемы изучения фольклора на некоторые другие области гуманитарного знания.

На круглом столе мы планируем обсудить, как используются обозначенные способы переноса ресурсов фольклористики в смежные дисциплинарные поля (на уровне анализа содержания и на уровне методологии), а также какое влияние на фольклористику оказывает расширение ее предметного и теоретического поля.

Мы предлагаем для рассмотрения следующие аспекты возможного применения ресурсов фольклористики (не обязательно им ограничиваясь):

- анализ городского (локального) текста;
- анализ древних, частично утраченных текстов и способы восстановления их содержания с опорой на распространенные мотивы и сюжеты;
- анализ текста, требующего работы с разными типами данных (нарративы, визуальный ряд, мультимедийные данные);
- анализ медийного контента и выявление механизмов его превращения в «вирусный»;
- анализ политических дискурсов и эксплуатация в политической коммуникации базовых образов, сюжетов, мотивов.

Помимо обозначенных предметных полей мы предлагаем обсудить способы наложения методологического аппарата фольклористики на смежные методы анализа текстов, разработанные в дискурс-анализе, контент-анализе и пр.

Например, какую роль для фольклористики и актуализации ее предметного поля может играть критическая теория и концепция культурных индустрий?

Сопоставимы / соположимы ли методы анализа текста, опирающиеся на идею вариативности и базового инварианта (фольклористика), с методами, опирающимися на идею «узловых точек» дискурса, «смысловых полей» дискурса?

Материалы круглого стола должны составить центральный тематический блок очередного номера журнала «Фольклор: структура, типология, семиотика».

Аннотации докладов

Е.Е. Левкиевская Фольклорист на поле диалектолога: как метод картографирования помогает в исследовании мифологии?

Доклад посвящен диалектным методам при изучении славянской мифологии и реконструкции некоторых мифологических мотивов. Основная проблема, с которой сталкивается фольклорист при описании и классификации элементов мифологических элементов (будь то персонаж, мотив, сюжет) – его подвижность, вариативность в разных ареалах, даже если исследование проводится в рамках одной этнической традиции. Еще больше сложностей возникает при сравнительном анализе исследуемого элемента в нескольких традициях. Преодолеть эту проблему можно, если локальную традицию представить как своеобразный этнокультурный диалект, подобный языковому диалекту. Этнокультурный диалект также обладает набором характерных особенностей, распространенных в границах определенного ареала и закрепленных географически. Создание диалектной карты исследуемого мифологического элемента (мотива или характерной функции персонажа) и ее последующая интерпретация дают возможность объяснить пути распространения этого элемента, сравнив их с направлениями древних миграционных потоков. Предлагаемый научный подход в докладе будет представлен на примере картографирования представлений о «ходячем» покойнике, локализованных в центральных районах Полесья, основной ареал распространения которых находится на Карпатах и Балканах. Созданные диалектные карты позволяют понять, каким образом данные мотивы могли появиться в локальном ареале Полесья.

А.Л. Топорков Магический фольклор в свете междисциплинарного подхода

Исследователи магического фольклора в целом делятся на две большие группы: во-первых, это фольклористы и этнографы, которые работают с живой традицией, и, во-вторых, литературоведы и историки, которые работают с рукописными текстами. Перспективы будущего развития данной области науки видятся нам в том, чтобы объединить или хотя бы сблизить эти два направления и наладить творческий диалог между исследователями устной и рукописной традиции магических текстов.

Синкретическая природа магического фольклора предполагает, что его исследователь, оставаясь фольклористом, должен быть также хотя бы немного этнографом, историком, лингвистом, литературоведом, психологом, социологом, иметь навыки полевой работы и архивного поиска. В докладе анализируются некоторые итоги и проблемы изучения магического фольклора в рамках разных научных дисциплин и подходов, а также намечаются наиболее перспективные направления будущих исследований.

Н.В. Брагинская От огня алтаря к огню светильника: трансформация обряда и его легенды

В докладе будут рассмотрены огненные чудеса, связанные с освящением жертвенника Первого и Второго Иерусалимского Храма, а также нового жертвенника, созданного после отвоевания Храма во время Маккавейских войн. Праздник установленный в ознаменование освящения жертвенника приобрел со временем новую легенду, живую поныне, об огне светильника вместо огня жертвенника. Мы покажем, как семантика исходного обряда, его легенды и его текстов, трансформируясь на сюжетном и предметном уровне, сохраняет мифологическую семантику.

Д.И. Антонов Падение демонов с небес в фольклоре, книжности и иконографии

В докладе пойдет речь о визуальном мотиве падения ангелов Люцифера и о его разработках в русской иконографии. Будут прослежены вариации мотива в средневековой книжности и в фольклоре, линии их пересечения с храмовой росписью и с книжной миниатюрой.

М.В. Станюкович Фольклорист как собиратель этнографических коллекций: предметный код фольклора - ключ к малоизвестным чужим культурам

Комплектование музейных фондов имеет естественные ограничения: всегда не хватает места в хранилищах и денег на приобретение предметов. В последние десятилетия большинство этнографических музеев Европы практически прекратило закупку коллекций, ограничиваясь в лучшем случае приобретением предметов для конкретной выставки. Между тем, музейные фонды – не только и не столько набор предметов для демонстрации/просветительства, в первую очередь это предметный, материальный словарь традиционных культур, предназначенный для долговременных исследовательских целей.

Позитивная дискриминация должна быть направлена на работу с коренными малочисленными народами (КМН) зарубежных стран, культура которых совсем или почти совсем не представлена в музеях России или шире – Европы. Именно в этих сообществах мы находим максимально сохранный фонд традиционного фольклора, включая эпос, культурные институты и объекты традиционной материальной культуры, исчезнувшие у крупных народов в результате колонизации и глобализации. Все это, включая языки КМН, находится под угрозой исчезновения.

Следующий фильтр - отбор предметов, закупаемых в сообществах КМН для этнографического музея. Фольклорист, особенно долговременно работающий в подобных сообществах, имеет неоспоримое преимущество как собиратель. Знание предметного кода местных сказаний дает ему ключ для вычленения реалий, наиболее значимых для культуры.

М.М. Каспина Этническая идентичность информанта и собирателя: совпадение и несовпадение ожиданий. На материале экспедиций к евреям Восточной Европы

В сообщении речь пойдет о вхождении в классическое этнографическое поле "чужих" собирателей, о ситуации, когда в экспедициях к евреям бывшего СССР принимают участие люди разных национальностей. Мы многократно сталкивались в поле с меняющимися отношениям информантов к собирателям, декларирующим себя как евреи и как не-евреи. Будут рассмотрены стратегии поведения собирателя в иноконфессиональном и иноэтническом поле, а также ожидания информантов от разговоров о национальной традиции и обычаях.

А.С. Титков Фольклористика - недостающее звено социологической теории

Фольклористика больше других дисциплин, занимающихся текстами, склонна подходить к границе гуманитарных и социальных наук и пересекать эту границу. Интерес к среде, в которых распространяются фольклорные тексты, к ситуациям, в которых они создаются и воспроизводятся, приближает фольклористическую проблематику к социологической. Такое внимание выглядит асимметричным: ответный интерес социологов к формам и содержанию текстов народной культуры несопоставимо меньше.

Причины невнимания социологов к особенностям культурных форм кроются в базовых установках дисциплины, заложенными ее классиками Зиммелем и Дюркгеймом: паттерны социальных

взаимодействий (например, "разговор" или "концерт") во многом независимы от их содержания, социальные явления (в том числе фольклор) объясняются характеристиками социальной среды, которые делают их возможными. Редкое исключение составляет культурсоциология с тезисом "автономии культуры", но ее скромное место в современной социологии скорее подтверждает общее правило.

Ситуация может измениться после теоретического кризиса начала XXI века, в результате которого в социологию пришли философские идеи Уайтхеда и Делеза, вернулся интерес к социологии Тарда. Внимание к потоковым явлениям, к гетерогенному характеру социальной реальности в социологической теории, как и интерес к большим данным и интернету в методике социологических исследований, делают возможным поворот социологии к сюжетам фольклористики.

Мэри Дуглас в "Чистоте и опасности" связала расхождение фольклористики и социологии (социальной антропологии) с разными интересами Тэйлора и Робертсона-Смита. Ставка Тэйлора на изучение "пережитков" более ранних культур оказалась ненужной для социальной науки XX века, но имеет шанс вернуться в новом исследовательском контексте.

М.Д. Алексеевский Роль фольклористики в становлении российской городской антропологии

В мировой науке институционализация городской антропологии как отдельной субдисциплины в составе социальной антропологии произошла в конце 1960-х - начале 1970-х годов. При этом историки науки сходятся во мнении, что в значительной степени теория и методология городской антропологии были сформированы под сильным влиянием городской социологии (прежде всего, представителей Чикагской школы) и отдельных работ антропологов, изначально занимавшихся более традиционными для дисциплины темами, но в какой-то момент обратившими внимание на город.

Если же мы посмотрим на становление городской антропологии в отечественной научной традиции, то увидим, что одними из главных инициаторов этого процесса неожиданным образом оказались не этнографы и социологи, а фольклористы. Хотя в советской этнографии в конце 1960-х - начале 1980-х годов возникла небольшая научная школа, занимавшаяся этнографическим изучением городского быта (Л.А. Анохина, М.Н. Шмелева), это направление в дальнейшем не получило значительного развития, оказавшись фактически тупиковым. Зато работы фольклористов 1990-2000-х годов, основанные на материалах, собранных преимущественно во время экспедиций в малые города России, достаточно быстро начали выходить за пределы дисциплинарной парадигмы фольклористики и фактически заложили основу для современных подходов к антропологическому изучению города.

В докладе будут рассмотрены основные вехи формирования российской городской антропологии "из духа фольклористики" и возможные объяснения "особого пути" этого процесса в постсоветской России.

М.Л. Лурье Производство локального знания: фольклорное и институциональное

Определяя фольклор как продукт или процесс внеинституциональной (неформальной, спонтанной, вернакулярной) коммуникации, фольклористика разделяет представление о неизбежности и результативности его взаимодействий с институциональными формами и каналами культуры. Как правило, этот тезис актуализируется в связи с вопросами генезиса фольклорных явлений (например, фольклорный сюжет или жанровая модель попадает в литературу или в СМИ, а оттуда

в модифицированном виде снова в фольклор) или социально-исторических контекстов их функционирования (например, использование фольклора в пропаганде или пропаганда самого фольклора). Результатом таких взаимодействий видятся структурные, прагматические или иные разовые трансформации (в частности те, которые фольклористы предлагают описывать в категориях фольклоризации, фольклоризма и фэйклора), в то время как фольклор и институциональная культура остаются феноменами принципиально различной природы, подлежащими противопоставлению.

Между тем существуют контексты, в которых институциональные и вернакулярные уровни и механизмы функционирования культурных текстов и практик могут быть переплетены настолько, что это заставляет поставить под сомнение эмпирическую правомерность и теоретическую целесообразность их различения и противопоставления. В частности (но не исключительно), это относится к ситуации производства, трансляции, потребления локального знания – текстов, образов, значений, приписываемых «своему месту».

Как определить природу подобных явлений? Помогает или мешает при их анализе применение фольклористических категорий и инструментов?

Е.А. Кузнецова Фольклорист на поле историка: следственные дела о «суевериях» и методы работы с ними

Как известно, фиксация фольклорных текстов и различных фрагментов народной традиции внешним по отношению к данной традиции «собирателем» началась задолго до появления фольклористики как научной дисциплины. Речь идёт о документировании фольклорной традиции миссионерами (отчеты священников о религии в Доколумбовой Америке), теологами и инквизиторами (Западная Европа), представителями судебных учреждений (Россия). Отражение традиционной культуры в таких документах подчинено законам, связанным со спецификой ведения документации, целями фиксации сведений (например, доказательство вины «колдуна» через привлечение свидетельских показаний и приведение аргументов в следственных делах), и теми моделями объяснения народных верований, которые существуют в данный момент в данную эпоху в авторитетном (церковном, юридическом) дискурсе. Как правило, такого рода материалы попадают в фокус рассмотрения историков, но также представляют немалый интерес для фольклористов, этнографов и антропологов. Поэтому немаловажным является вопрос о методе работы с ними.

Учитывая сферу моих научных интересов – демонология в российских следственных делах конца XVIII – первой половины XIX вв., – в своём выступлении я остановлюсь на нескольких проблемах, связанных с анализом следственных процессов о «суевериях».

1) Сравнение работы следователя и исследователя (проблема «инквизитор как антрополог» и «антрополог как инквизитор»). По каким линиям идёт это сравнение представителями исторической дисциплины (Э. Ле Руа Ладюри, К. Гинзбург, Р. Розальдо) и фольклористики (А. Панченко, А. Мороз), и как это сравнение помогает решить методологические проблемы полевых исследований и работы с историческими источниками?

2) Рассмотрение следственного дела как фольклорного и этнографического источника. Какие существуют ограничения в задаче реконструкции традиционных представлений о колдовстве и магических практиках на материале следственных дел? Что может предложить фольклористика для анализа дел о «суевериях», и как использовать этот материал для изучения сюжетов и мотивов мифологических текстов?

3) Анализ следственных дел на стыке фольклористики, антропологии и истории. Как через анализ следственных процессов о «суевериях» можно изучать социальный, экономический, юридический контексты бытования мифологических представлений?

С.Ю. Неклюдов Опыт палеофольклорных реконструкций книжных текстов

Палеофольклор – это устные традиции, предположительно лежащие в основе тех письменных памятников древности или средневековья (отчасти – и нового времени), в которых ориентация на фольклор проявляется либо в прямом (возможно, довольно точном) воспроизведении устных текстов или их фрагментов, либо в следовании определенным фольклорно-мифологическим моделям. Палеофольклор – это не конкретные образцы устной традиции, а продукты умозрительной реконструкции, тогда как подлинный облик их прототипов может быть представлен лишь весьма приблизительно.

Основным инструментом «палеофольклористики» является типологическая реконструкция, которая базируется на установлении структурно-семантических параллелей между книжными произведениями, с одной стороны, и сюжетами, эпизодами, темами, мотивами, стилистическими конфигурациями устной повествовательной словесности народов мира, с другой. Включение подобных литературных памятников в соответствующие типологические ряды раскрывает спектр нарративных перспектив изучаемого элемента, его семантических возможностей (которые без указанного компаративного анализа остались бы незамеченными). Кроме того, такие типологические ряды предоставляют дополнительные средства для содержательных истолкований текста, что особенно важно при историческом исследовании древнейших образцов письменной традиции, у которых не только следует выявить фольклорные истоки, но и необходимо восполнить сюжетные пробелы и восстановить культурные контексты, без чего невозможно и адекватное понимание памятника.

Рассмотрение некоторых случаев такого рода будет предложено в докладе.

Д.С. Николаев Компьютеризированный анализ фольклорных текстов: возможности и ограничения

Современные гуманитарные науки все больше и больше опираются на алгоритмы автоматической обработки текстовых и визуальных данных для получения новых интересных результатов и проверки старых гипотез. Фольклористика, по самой своей природе «корпусная» дисциплина, в последние годы также все чаще обращается к статистическим методам: многообещающие результаты уже были получены в анализе исторического развития отдельных мотивов и мотивных комплексов, анализе формульности и лексикона устной поэзии и других областях. Необходимо учитывать, однако, что фольклорные текстовые данные имеют ряд особенностей, которые затрудняют приложение к ним стандартных технологий компьютерной лингвистики. В докладе будут рассмотрены фольклористические вопросы, для поиска ответов на которые компьютерные методы имеют очевидный потенциал, а также ограничения, которые особенности устных по своему происхождению текстов накладывают на их автоматизированный анализ, и возможные пути их преодоления.

А.А. Курочкина Мельников-Печерский как чиновник, фольклорист и бренд

В 2018 году в Нижнем Новгороде отпраздновали 200 лет со дня рождения Мельникова-Печерского. Стало очевидно, что имя писателя окончательно утвердилось в пантеоне ключевых нижегородских брендов. Для нижегородцев он – бытописатель ярмарки. Для семеновских и керженских старообрядцев – источник идентичности. Для нижегородских краеведов - апологет.

Между тем, главная заслуга Мельникова-Печерского лежит, на наш взгляд, в иной области. Специфический стиль работы с архивными документами и фольклорным материалом, а также особого рода чуткость к актуальным культурным процессам позволили его текстам – и художественным, и документальным – обрести особый статус, предполагающий не критичное восприятие, как со стороны обывателей, так и со стороны профессиональных историков и фольклористов. В итоге, из-под пера Мельникова-Печерского вышел целый ряд представлений об истории и культуре Нижнего Новгорода, определяющих с тех пор образ города. Говоря современным языком, Мельников-Печерский - создатель и/или оформитель ключевых нижегородских брендов: «гражданин Минин и его ополчение», «озеро Светлояр», «сергачские медведи», «нижегородская ярмарка», «купцы-старообрядцы» и многих других. Каждый из них был в той или иной мере сформирован писательским воображением. И каждый был оформлен как архивное разыскание или аутентичный фольклорный текст, а потому воспринимался и функционировал как объективное знание.

Революция 1917 года кардинально поменяла культурный ландшафт региона. Образ дореволюционного Нижнего Новгорода складывался в представлениях советских читателей из картин и сюжетов, описанных Горьким. Однако на рубеже XXI века процесс брендинга территорий вынудил нижегородских чиновников, пиарщиков и экскурсоводов провести инвентаризацию культурного наследия Нижегородского края. Старые бренды зазвучали на новый лад. Большинство из них давно уже не связано ассоциативной связью с именем Мельникова-Печерского, да и сам образ писателя оформился в местную достопримечательность, имеющую мало общего с реальной исторической личностью. Тем не менее, нынешний культурный ландшафт Нижнего Новгорода в большой мере сформирован образами и представлениями, созданными этим забытым, казалось, писателем, сочетавшим в себе статистика, чиновника и фольклориста.

С.А. Шомова "Это фиаско, братан!". Почему рождение новых "вирусов" не рождает новые смыслы

Предлагаемый доклад посвящен деконструкции нескольких известных мемов последнего времени и проблемам жизненного цикла меметических конструкций. В нем поэтапно рассматриваются ведущие факторы, превращающие информацию в «вирус», определяются возможные этапы становления комплекса мемов, осмысляются причины быстрого угасания популярности данного типа сообщений.

Попутно затрагивается дискуссионный вопрос о соотношении понятий «мем» и «вирус», показывается разница между данными феноменами. Принципиальная проблема в данном случае – возможности рождения новых смыслов при репликации сообщения, которая ставится и обсуждается в докладе.

И.С. Душакова Анализ вариативности новостных сообщений: что дает фольклористика области Media Studies?

В докладе будет представлен практический опыт приложения методологии, разработанной в фольклористике, на медийные тексты.

Вариативность – концепт, играющий важную роль в формировании научных представлений о том, что такое фольклор, и глубоко проработанный в теоретической фольклористике, может быть продуктивным для анализа различных типов текстов. Одним из кейсов, в которых применение этого концепта позволило настроить принципиально новую оптику (в нашем случае для области Media Studies), является анализ новостных сообщений, объединенных общим информационным поводом.

На примере новостей, выпускаемых разными филиалами международного информационного агентства Sputnik, мы рассмотрим:

- какие результаты можно получить, анализируя близкие по содержанию и однотипные по структуре тексты;
- какие новые вопросы к текстам можно задать;
- для чего нам нужна оптика фольклориста, если существуют многочисленные виды дискурс- и контент-анализа.

Е.А. Литвин Подходы к изучению малых литератур: взгляд фольклориста

Изучение литератур на малых языках затрагивает сразу несколько областей гуманитарной науки. Анализ функционирования отдельно взятой литературы не ограничивается вопросами исторической поэтики и требует привлечения методов других социо-гуманитарных дисциплин. В частности, полезным здесь окажется инструментарий фольклориста.

В условиях отсутствия предшествующей литературной традиции на данном языке локальный фольклор становится основным источником заимствования ритмических и тематических элементов в авторские тексты. Кроме того, часть анализируемых текстов можно отнести к категории «наивной литературы» - то есть, текстов авторских, однако создающихся и распространяющихся сходным образом с фольклорными.

Наконец, литературное творчество можно рассматривать как коллективный процесс, в котором играют большую роль взаимоотношения между авторами текстов, а также между авторами и публикой. Их изучение требует привлечения методов полевой работы, таких как интервьюирование и включенное наблюдение. В докладе будут подробнее проанализированы возможности использования методов фольклористики для изучения литератур на малых языках.

В.А. Черванева Фольклорный текст в режиме диалога: к вопросу о статусе языка фольклора

В последнее время наблюдается значительное расширение предметного и теоретического поля фольклористики, в результате чего в орбиту исследований оказались вовлечены явления, долгое время находившиеся «за скобками» фольклористических штудий. В частности, это касается традиционной устной прозы с установкой на достоверность, которую в советской фольклористике, со свойственной ей искусствоведческой трактовкой фольклора, было принято рассматривать всего лишь как «материалы для анализа истоков развития процесса фольклорного творчества», как «начальные стадии фольклорного процесса» (Бараг 1972). Преодоление такого подхода и утверждение широкого понимания фольклора – как «явлений и фактов вербальной духовной культуры во всем их многообразии» (Путилов 1994) – ставит перед исследователями теоретические проблемы в новом ракурсе.

В докладе предлагается рассмотреть одну из таких проблем – вопрос о статусе языка фольклора. Эта проблема традиционно решалась в двух аспектах – специфика языка фольклора определялась

относительно диалекта и относительно литературного языка. При всем различии концепций все исследователи, начиная с XIX в. (А. А. Потебня, А. Н. Афанасьев, Н. И. Костомаров, Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский), середины XX в. (А. П. Евгеньева, И. А. Оссовецкий) и до наших дней (Е. Б. Артеменко), исходили из идеи наддиалектности языка фольклора, видя основание этого феномена в различных явлениях.

Однако наблюдения над языковой организацией прозаических текстов устной традиции с установкой на достоверность (мифологические рассказы, предания, поверья, описания ритуальных практик и др.) показывают, что к ним неприменимы эти теоретические выкладки. Полагаю, что следует говорить об иной сущности и ином статусе языка таких текстов – в общем и целом это повседневная разговорная (диалектная, просторечная или литературная) речь носителей фольклорной традиции, функционирующая в режиме диалога и обладающая всеми структурными признаками спонтанной разговорной речи.

В докладе предлагается разграничить «язык фольклора» и «язык фольклорной традиции», понимая под первым вербальную сторону фольклорных текстов жанров традиционного фольклора (песен, былин, сказок и т. д.) – структурно упорядоченных, «отшлифованных» многократными повторениями в процессе передачи, с четко выраженной эстетической функцией, а под вторым – язык повседневной коммуникации носителей традиции, в рамках которой появляются и существуют тексты, эксплицирующие традиционное знание.

Е.Ф. Югай «Эзопов язык» как домовый: устные рассказы о советских иносказаниях

Когда я записывала интервью о советском эзоповом языке, мои собеседники охотно излагали свои концепции этого явления, причины и особенности, и гораздо хуже вспоминали случаи употребления. Это показывает, что «эзопов язык» был не только словарем и практикой, а и некоторой мировоззренческой реальностью, ценностью (или анти-ценностью, в зависимости от трактовки). «Эзопов язык» - термин эмный, как правило, информанты не уточняют, о каком именно явлении их спрашивают.

При этом в качестве доказательства существования и важности этого явления приводятся не только (и не столько) мемораты, сколько анекдоты, фабулаты и другие тексты, которые больше говорят о представлениях об эзоповом языке, чем о реальности его применения.

В докладе будет рассмотрен образ эзопова языка, вычленяемый из текстов интервью, устных рассказов и письменных эго-документов.

А.М. Сиверцев К вопросу о границах письменного текста на примере ивритоязычных сочинений поздней античности и раннего средневековья

Доклад посвящён анализу литературного жанра иудейских эсхатологических текстов, известных под общим названием Знамения Мессии ('Otot ha-Mashiah). Тексты этого жанра создавались на иврите на протяжении нескольких столетий примерно с 7 по 12 вв. н.э. В докладе мы проследим рукописную традицию некоторых из этих композиций. В отличие от традиционной классификации рукописей по принципу близости к первоначальной (“оригинальной”) редакции текста, наиболее точным описанием Знамения Мессии представляется сценарий, когда текст описывается как равнозначное множество его рукописных редакций. При одновременном циркулировании равнозначимых рукописных редакций одного и того же произведения, категория исходного текста в принципе становится проблематичной. Вместо этого имеет смысл говорить о тексте как множестве редакций, без попыток выстраивания (и, соответственно, оценки) этого множества по принципу первоначальности или исходности. Иными словами, традиционная система публикации,

когда выбирается наиболее “аутентичная” рукопись, а все остальные варианты рассматриваются как вторичные адаптации, должна быть заменена на систему синоптического рассмотрения всех существующих редакций как равнозначимых. Такой подход поднимает вопросы о границах письменного текста в поздней античности и раннем средневековье, и соотношения между различными редакциями этого текста в процессе их циркулирования.